
Каев А.М.

ВСПОМИНАЯ ДАЛЕКИЕ И ПОРОЙ ЛИХИЕ ГОДЫ...

50 лет уж прошло, как жизнь связала меня с лососями, а через них и с Курилами. Воистину прекрасные острова, которые привлекают не только изобилием лососей, но и остаются навечно в памяти у тех, кто хотя бы мимолётно побывал там. А попал я на Итуруп в 1971 г. как студент-дипломник, там и встретился впервые с Владимиром Михайловичем Чупахиным, с которым многие годы затем работал. А тогда он взял меня с собой на мечение. Сначала шли на МРСке, а затем пересели на шлюпку у побережья с чудными названиями местности (мыс Переселенцев, ручей Скальный), да и берег скалистый был красив. Было у нас два садка, из одного, привязанного к ставному неводу, брали горбушу, цепляли метку и помещали в другой. МРСка должна была потом нас забрать и отбуксировать садок с меченой рыбой подальше от берега. Сначала мы видели её, а затем она исчезла. Как потом выяснилось, ушла на дальние ставники, чтобы успеть их перебрать перед надвигающимся штормом. Пришлось нам на вёслах самим отбуксировать этот садок, а затем вернуться к ставнику и лечь там в дрейф в ожидании судна. Но... неожиданно из воды высунулись огромные морды сивучей и, фыркая, стали ложиться на борт шлюпки, похоже, решили поиграться. Мы же, отмахиваясь веслом, погребли к берегу из-за опасения, что шлюпку перевернут. Кое-как пристроив её меж валунами, разошлись с Володей в разные стороны от прибрежной скалы, собирая деревянные выбросы для костра. Вдруг слышу истошный крик. Бегу на него: «Что случилось»? Оказалось, что усиливающийся накат выбил заднюю стенку у лодки, и она подзатонула. А уже смеркалось. Кое-как удалось поднять её на плав и отчалить от берега. К счастью, вскоре и МРСка подошла, так как уже начинался шторм. Недавно сослался на статью, написанную по результатам этого мечения.

Второе и уже основательное мое появление на Итурупе произошло в 1974 г., когда Феликс Николаевич Рухлов благосклонно отнёсся к моей просьбе, поручив мне заниматься там изучением кеты. Так и началась наша многолетняя совместная работа с Владимиром Чупахиным. Ночами вместе проводили учёт покатной молодежи, а днём регулярно, каждые 10 дней, в мае и июне сачком ловили мальков в небольших бухточках, а с конца июня и в июле – в ловушках ставных неводов, попутно помогая рыбакам устанавливать эти невода. Так что с рыбаками были вполне дружественные отношения, никогда они нам не отказывали в возможности выйти с ними в заливы. А вот с береговыми ловами было сложнее. От Курильска до пос. Рыбаки – 4 км и далее до пос. Пионер (побережье Куйбышевского залива) еще 24 км, а в другую сторону от Курильска до пос. Китовый – 6 км, а до пос. Рейдово (зал. Простор) – 14 км. А это впечатляет, ведь попутных машин, особенно в сторону Куйбышевского залива и обратно, почти не было.

Помню первый выход в направлении Рейдово. Только поднялись из Курильска в гору, как Володя говорит: «Ну, побежали». Куда? Как куда? Вперед по дороге. Вот так и пришлось втягиваться в такой режим. А в сторону зал. Куйбышевского, если и попадалась машина, мы закидывали в кузов свои рюкзаки и, чтобы не трястись на ней, порой прибегали в посёлок раньше машины, так как дороги практически не было, только направления из нескольких колеи. Спасибо коллеге, такие пробежки пошли мне на пользу. Уже на Кунашире в 1995 г. мы с начальником местной КНС Димой Струковым своим ходом с рюкзаками около 6 часов добирались от р. Северянка до р. Илюшина, где нас должна была ждать машина рыбоохраны. И что же мы увидели? ГАЗ-66 полоскали морские волны, а на его кабине сидели бравые ребята. Оказывается, они подстрелили утку, а она упала в море. Решили заехать подобрать, но – удар волны, и двигатель заглох. А уже был вечер. И пришлось мне вспомнить былое, пробежать более 10 км в Южно-Курильск за подмогой.

Что еще запомнилось? Ловили мальков на прибрежном морском мелководье строго по графику, не только по дням, но даже по часам. К примеру, в 11 часов такого-то числа должны были брать пробу у выброшенной японской шхуны. Именно в это время и ловили мальков, даже когда штормило. Даром не прошло. Результаты этих наблюдений оформились позднее в концепцию о случайных факторах среды как имеющих решающее значение в динамике стада горбуши и кеты.

Сейчас порой удивляюсь, как мы всё это успевали, ведь сразу же делали биологические анализы пойманных мальков, да ещё и статистическую обработку полученных данных. А ведь надо было ещё и быт устраивать. В этом плане бесценным кадром был у нас Адольфас Ионович Ардавичус. Литовец и по образу

Лабораторные будни

жизни хуторянин. Сколько же он черемши и рыбы солил, сажал картошки, собирал грибов, делал варенья из прибрежного шиповника! Благодаря ему нам не приходилось часто задумываться о хлебе насущном. Кстати, о хлебе. Когда мы с Володей прибегали в Рейдово или в Пионеры, обязательно покупали в деревенской пекарне по булке пышного хлеба, а к нему у сельчан – жбан свежего розоватого молока (коровы тоже любили лакомиться крупными плодами шиповника). В общем, это была воистину райская пища после такой пробежки.

При таком напряжённом режиме работы мы умудрялись еще и с островом знакомиться. Один раз за сезон после завершения ската (а иногда и осенью между биоанализами) обязательно отводили несколько дней для восхождения на один из вулканов. Очень был впечатляющим первый выход на оз. Кипящее, расположенное на склонах вулкана Баранского. Это уже годы спустя туда пробили дорогу, позволившую местным жителям выезжать на пикник. В нашем же случае лишь первые 3 часа была возможность идти по приличной тропе до плато Мертвых Душ с редкими и корявыми листвянками, одна из которых была традиционным местом отдыха. Не знаю, почему это просторная верховая заболоченная местность так называлась. Может оттого, что здесь медведей можно было издалека увидеть. Было у нас одолженное ружьё с единственным патроном, буквально забитым в ствол (не знаю, выстрелило бы оно), да у меня на боку болтался десантный нож образца 1942 г. А вот после этого плато был уже настоящий путь. Володя, как более опытный и уже бывавший здесь, забирался на дерево, чтобы определить, где бамбук пониже, чтобы потом идти по нему, как по тропинке. Когда наконец-то добрались до места, увидели что-то неопишное – зелёная

Отдых с В. Чупахиным (слева) у «своей» листвянки

кипящая вода в обрамлении ярко жёлтого берега из серы, из озера – поток воды, который вскоре сливается с холодным ручьём (постепенно тающие на склонах снежники), а далее каскад водопадов, под каждым из которых в скальнике что-то вроде ванночки, выбери любую по душе.

Но иногда просто приходилось нарушать заповедь «умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт». Так случилось на севере острова. Мы высадились с МРС в бух. Медвежьей, откуда сравнительно близко было до верховьев р. Славной, которую собирались обследовать. На пути был дымящийся вулкан Кудрявый. Обойти его по огромным отрогам слишком долго, да ещё и при отсутствии троп. Да отроги столь многочисленны, что Владимир Чупахин даже заплутал, уйдя на разведку местности и потеряв в тумане ориентиры для возвращения. Пришлось нам идти только по своему отрогу, чтобы самим не заблудиться, периодически стреляя в воздух. Обошлось, вышел он из соседнего разлома, где пытался найти наше стойбище. Повезло, что следующий день выдался ясным. С вершины вулкана хорошо просматривалось озеро Славное, но, главное, к нему тянулся тёмный шлейф среди зарослей, сверху – как огромное широкое шоссе. Оказалось, что это поток застывшей лавы, к тому же очень сложный для передвижения. Было ощущение, что он нашпигован торчащими иголками. Попытались идти через заросли, но тоже сложно продирались. Обнаружили небольшой ручей вдоль края лавы – полегло, но вскоре он нырнул внутрь её небольшого ответвления. Перебравшись через лаву, вновь обнаружили этот ручей, который стал вдруг очень теплым, нагревшись в её теле. Вот это был очень приятный сюрприз! После отдыха так и добрались по этому ручью до Славной. А дальше была уже только работа по оценке нерестового фонда, осложнённая лишь отсутствием дорог вдоль русла. Считали удачей, если попадались медвежьи тропы.

Запомнилась первая половина 1980-х годов, когда собирали пробы планктона и молоди лососей вдоль всего охотоморского побережья острова, используя суда промысловой разведки. Выходили в нужную позицию, судно ложилось в дрейф, а мы на боте шли к берегу. Обследовав побережье залива, возвращались на судно для перехода к следующему участку. Всё бы хорошо, но часто были такие туманы, когда судно просто не видать. Да и связи до последнего рейса не было. Поэтому брали с собой мыльницу с намагниченной иглой. Плавающая в мыльнице игла указывала направление по меридиану. Вдали на всякий случай судно подавало гудки, но вы пробовали в тумане определить направление на звук? Благо, карта острова была в наших головах, поэтому правильно выбирали направление на судно. А если бы промахнулись? Судьба Зиганшина со товарищи (унесло их судёнышко из зал. Касатка в океан, 59 дней держались ребята, пока их случайно не обнаружили американцы) нам не улыбалась, но отработывать поставленные задачи как-то надо было. Но однажды при ясной погоде возвращались на судно, которое находилось за мысом, то есть вне зоны видимости. Уже отойдя довольно далеко от берега, вдруг получили удар по днищу, да такой, что двигатель заглох. Несколько часов просидели без движения и, что было особенно странным, вокруг-то приличная глубина... Смогли освободиться

Одно из стойбищ на р. Славной

Очередной переход по р. Славной

из плена только благодаря приливу, и задним ходом (по-другому мотобот уже не мог идти) направились к судну. Посмотрели лоцию, на том месте торчала скала-палец, на которую мы и умудрились попасть.

Вспоминается ещё один забавный случай с высадкой в бух. Осенняя. Это сейчас там стоит современный рыбоводный завод, а тогда это было диким местом. При подходе к бухте увидели каких-то забежавших человечков, а потом и ГТТ проехался по берегу туда-сюда. Оказалось, что там начали обустриваться военные. Они были без оружия, но в качестве своей силы, приняв нас за японцев, продемонстрировали нам свою технику. А японцы на самом деле иногда высаживались на диких участках побережья. Помнится, на океанском побережье в районе Урупета (протока оз. Красивое) мы довольно легко догнали группу пограничников, которые осторожно двигались по берегу, сложенному из огромных валунов. А двигаться по таким участкам надо, образно говоря, качая маятник, то есть используя инерцию своего движения и меняя его направление, отталкиваясь от валунов. Мы продемонстрировали, как это делается, но в соседней бухте, когда добрались до неё, никого не было. А в море маячила японская шхуна. Кстати, как только она исчезла, благодаря появлению в районе нашего СКР, тут же начался заход нерки в Урупет. Похоже, нарушители границы полностью перекрывали нерке подход к устью выставленными сетями.

Зимой на Итурупе пришлось побывать лишь однажды, при вскрытии нерестовых гнёзд. Огромные массы снега, заметавшие местами русла рек. Если проваливаешься на таком насте, в принципе, не страшно, как правило,

глубины до полуметра. Проблема только в том, что вылезти обратно без помощи коллеги уже весьма проблематично. Ну, да ладно, с грандиозными снежниками мы сталкивались и летом. А вот начавшийся вечером снегопад с хорошим ветерком сразу же после нашего прилета в Буревестник очень запомнился. До пос. Пионер был попутный трактор с тележкой. Рюкзаки в тележке, а сами следом, чтобы не замёрзнуть. Так и двигались, пока трактор в темноте не сбился с пути и не зарылся в снег. Пришлось его бросать, благо до посёлка было уже не так далеко. А наутро – вперёд, в направлении Курильска. По прибытии неожиданно заболели, температура полезла вверх. Благо, был банный день. Напарились, а после бутылку водки, разогретую с мёдом, разделили на двоих – и под одеяла, да еще сверху дополнительно кое-что накидали, чтобы сильнее пропотеть. Наутро – слабость, но чувствуем – хворь ушла. Так мы не только выполнили всю намеченную программу по вскрытию площадок на нерестилищах, но ещё и отыграли в волейбол за рыбоводный завод

В. Чупахин на трещине одного из снежников, июль 1977 г.

Отдых на перевале, февраль 1976 г.

«Столбление» со Стасиком бугров,
ноябрь 1975 г.

Вскрытие со Стасиком нерестовых гнёзд,
февраль 1976 г.

на первенстве района. Волейболом тогда в разной степени многие увлекались. К слову, я однажды в Южно-Сахалинске на первенстве области играл за свой любимый Курильский район.

А при вскрытии площадок на нерестилищах столкнулись с двумя большими разнищами, как в Одессе говорят. Вследствие высокой численности не вся кета нерестилась на своих нерестилищах, некоторые производители откладывали икру на участках ручья с песчаным дном с горизонтальной фильтрацией воды. Так на этих участках отмечалась 100-процентная гибель икринок, в то время как в центральной части ключевых чаш их выживаемость была на уровне 100%! Вот и ответ на учтённый необычно большой скат молоди кеты в р. Илюшина (о. Кунашир) в 2010 г. по отношению к числу зашедших в неё немногочисленных производителей (по 1950 мальков от нереста одной условной самки).

Был у нас в те годы лаборант Стасик. Фамилия забылась, но парень запомнился. Несмотря на проблемы со здоровьем (сердечник), спокойно переносил все тяготы, не жаловался, выполнял всё, что нужно было делать. Но однажды был очень интересный эпизод. Только вышли мы на дорогу с Иванова ручья, где подсчитывали число производителей кеты, как увидели знаменитого в Курильске племенного быка. Тот нагнул голову и начал рыть копытом дорогу, было ощущение, что земля сотрясается от его ударов. Но когда он пошёл на нас, мы поняли, что спасение только в бегстве. Благо, недалеко была банька. Так вот, этот совершенно неспортивный парень первым прибежал к ней. Поневолу начинаешь верить в такую байку, что где-то на заполярном аэродроме сидящий на корточках и в тулупе механик одним движением запрыгнул на крыло самолета, когда сзади подошёл белый медведь. А в остальном всё было буднично. С этим парнем мы вдвоём с самодельным двухметровым саженем обошли практически весь бассейн р. Курилка, замеряя площади нерестилищ даже в притоках 2-го порядка. Благо, ситуация для решения этой задачи была в то время идеальной.

Заходы кеты были даже выше оптимальных, то есть, скопления нерестующих производителей наглядно показывали, где находятся нерестилища, оставалось лишь оконтурить эти участки. Единственное неудобство – часто приходилось с медведями сталкиваться. Но для них пищи было много, поэтому расходились с миром. В последние годы я даже ружьё не брал, трудно с ним продираться через заросли.

Кстати, о зарослях. Как-то мы с Владимиром Чупахиным решили сократить путь с одного ручья на другой. Согласно карте, расстояние через водораздел было всего около километра. Почти четыре часа преодолевали этот участок, заросший стелющейся каменной березой в сочетании с вертикальным бамбуком. В этих зарослях остался и нож мой знаменитый образца 1942 г., его оторвало от ремня вместе с ножнами.

Кстати, о медведях. Было три запомнившихся случая. Однажды медвежонок к нам бросился, похоже, поиграть, а седая (редкий окрас) мамаша – за ним. Пришлось медленно отступать, Володя даже камень бросил в её сторону (куда прёшь, дура...). Кончилось тем, что она всё же подозвала к себе своего малыша, дала ему шлепка и ушла только когда он забрался на косогор. Второй случай был связан с вулканом Грозный. На его вершине стоять, когда там с рёвом вырывается огромный столб газов, было жутко. Кругом ни травинки, сплошная туфовая порода. И в этом жутком месте обнаружили медвежьи следы. Что он там делал? Ведь даже забраться на этот вулкан для нас было проблемой. Поднимались и спускались галсами из-за неустойчивых камней на крутых откосах, любое неосторожное движение вызывало камнепад. А третий случился в зал. Доброе Начало. В те годы были проблемы с посудой под пробы, поэтому мы собирали среди выбросов на морском берегу бутылочки, чаще всего попадались из-под витаминов. Мои коллеги перешли по перекату на другой берег реки и отправились дальше, а я двинулся к устью реки с надеждой обнаружить там подходящую для проб тару, но вместо неё обнаружил огромное скопление в устье и по берегам погибшей сардины-иваси. Перейти реку в устье из-за глубины не смог, поэтому вернулся обратно к перекату. А на другой стороне поверх следов моих коллег крупные и мелкие отпечатки медвежьих лап! Полагая, что мишки пошли поесть выброшенную на берег рыбку, я отвернул от реки по ближайшей ложбине меж песчаных барханов, где и встретился с этой парочкой. Бежать не стал, знал, что это опасно, может спровоцировать нападение. Потихонечку стал боком продвигаться, бормоча «Миша, спокойно...». Разошлись. Однако ноги стали несколько ватными, а также появилось неожиданно сильное чувство голода.

Осенью работа была рутинной. Наряду с обследованием нерестилищ надо было регулярно добираться до рыбцеха в пос. Китовый для проведения биологических анализов кеты. Добираться далеко. Рыбу обычно привозили к вечеру, поэтому туда ещё можно было поймать попутку. А заканчивали анализ иногда даже за полночь, и приходилось возвращаться только пешком. Какая поначалу была радость, когда институт приобрёл нам мопеды «Рига». Правда, потом замучились их списывать, так как они быстро вышли из строя, скорее

Река Курилка, по каньону к верхним нерестилищам, октябрь 1974 г.

всего, плохими механиками мы были. Но главное не это. У мопедов не хватало мощности не только для преодоления большого подъёма из Курильска на прибрежное плато, где была дорога. Они не тянули даже на ровной дороге против сильного ветра, который частенько осенью дует на острове. Благо, нам поверили и списали без доставки их пассажирским теплоходом обратно. Ведь даже попасть на этот теплоход было проблемой. Билеты продавали на теплоходе, добираться на него надо было на плашкоуте, а брали только ограниченное число желающих. Как-то мы буквально пробились на этот плашкоут. Адольфас был довольно крепким мужиком. Он просто поднял за грудки офицера-пограничника из оцепления и пошёл с ним по трапу на плашкоут, а я за ним. Рядовые служивые почему-то остолбенели от такой наглости. А потом мы подружился с этим офицером.

Ручей Активный, справа – В.М. Чупахин, в центре – районный инспектор рыбоохраны В.С. Михайлов, сентябрь 1976 г.

Река Рыбацкая, сентябрь 1976 г.

В заключение ещё один снимок со съезда Всесоюзного гидробиологического общества в 1986 г. в г. Тольятти. Очень далеко от Сахалина, но посмотрите на его участников. В первом ряду – С.М. Коновалов, бывший директор ТИНРО (в то время нашего головного института), руководитель моей кандидатской диссертации. Во втором ряду, слева от него – В.Н. Иванков (профессор ДВГУ),

Участники съезда ВГБО, г. Тольятти, 1986 г.

с именем которого связаны первые системные исследования лососей на о. Итуруп; справа – Л.Н. Беседнов (заведующий кафедрой ихтиологии Дальрыбвтуза), который воспитал целую плеяду исследователей, ставших известными учёными в рыбохозяйственных институтах Дальнего Востока, в том числе и в «СахНИРО». Самый крайний слева – В.Л. Касьянов (будущий директор Института биологии моря ДВО АН), который поддержал представление к защите моей докторской диссертации в 2002 г.

Вот такими были те годы. Столько раз ходили по лезвию, но бог хранил, наверное, потому что работали добросовестно и ведь не только за зарплату. Главное, что был энтузиазм, нам интересно было исследовать не только свои объекты, но и окружающий мир. Поэтому как-то и умудрялись всё успевать. В результате Итуруп с его суровой красотой стал для нас воистину священным островом. Он не только подарил ощущения побед при взятии курящихся вершин. Приобретённые знания на этом острове позволили достичь определённых вершин и на научном поприще. Кандидатская и докторская диссертации во многом основаны на материалах, собранных в его водах, а результаты их анализа до сих пор востребованы для подготовки научных публикаций, список которых перевалил уже за 200 наименований. И ещё, на этом острове было столько встреч с прекрасными людьми, память о которых сохранилась, несмотря на столь давние годы. И поэтому: *«Снится мне вершин раздолье, ледяной ручей, сырая падь, видно, надо в месяце июне вновь на Итурупе побывать...»*.